18+

ТАТЬЯНА РЕД

ПОД ПЕЛЕНОЙ ОГНЯ И СМЕРТИ

Татьяна Ред

Под пеленой огня и смерти

«Эксмо»
2026

Ред Т.

Под пеленой огня и смерти / Т. Ред — «Эксмо», 2026

Кто ты, если у тебя отобрали даже собственное имя? Рита выжила, но очнулась в абсолютной пустоте. Она не помнит своего прошлого, не знает своей силы, а мужчина, который называет себя ее возлюбленным, вызывает у нее лишь первобытный страх. Калеб готов пойти в самое пекло ради нее, но как вернуть ту, чье сознание стерто в пепел? Истина вернется через кровь, нечеловеческую боль и пелену лжи. Племена содрогнутся, когда на арену выйдет новый враг — племя Лис. Их лидер, первородный Сильвер, обманом укравший память Риты, мечтает осквернить Кровавую луну и стать богом, уничтожив всех первородных до единого. Но Сильвер не учел одного: пытаясь сломать Риту, он пробудил в ней то, что дремало годами. И теперь сокол, восставший из пепла первородным Фениксом, сожжет любого, кто встанет на ее пути. Даже если для этого ей придется пожертвовать собой. Содержит нецензурную лексику.

© Ред Т., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1 7
Глава 2 13
Глава 3 18
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Татьяна Ред
Под пеленой огня и смерти

Пролог

Что за черт? Кто все эти люди?

Я стояла посреди выжженного поля, а в голове – звенящая пустота. Ни одной зацепки, ни единого воспоминания, будто кто-то аккуратно вырезал куски моей жизни раскаленным ножом. Память не просто стерлась – ее выжгли.

– Какая, к черту, пелена?! – рявкнул парень, стоящий напротив.

Я назвала его Калебом. Сама не поняла, откуда это имя всплыло на языке, ведь я видела его впервые в жизни. Он выглядел разъяренным, диким, и эта ярость пугала меня до дрожи. Хоть и на вид он не был ужасным, внутри мне становилось дурно от одного его взгляда.

– На такое способны только соколы, – прошептал второй, черноволосый.

Он назвался моим братом, Тео, но для меня он был всего лишь незнакомцем с печальными карими глазами.

Парни судорожно оглядывались. Со стороны поселения доносилось лишь затихающее эхо криков. Там была война? Кровь, гарь, смерть – что здесь произошло? Страх, липкий и первобытный, сковал легкие. Я не знала их. Я не знала себя.

Ноги сами понесли меня прочь, к темной стене леса.

– РИТА! СТОЙ! – ударило в спину чьим-то отчаянным криком.

Я бежала, не разбирая дороги, пока не услышала за спиной тяжелое, стремительное дыхание. Обернулась на бегу и закричала так, что птицы с шумом сорвались с веток. На меня несся белый волк. Огромный, пугающий зверь с горящими глазами.

Три секунды – и я уже на дереве. Вцепилась в самую верхушку, обдирая ногти в кровь. Сердце колотилось так быстро, что в ушах стоял сплошной гул. Волк замер внизу, подняв голову.

– Слезай, сокол! – прорычал он.

У меня подкосились колени. Звери не разговаривают. Этого просто не может быть!

В следующее мгновение его тело окуталось серой дымкой, и на месте хищника снова появился тот самый альбинос – Калеб.

– Слезай, прошу тебя, – его голос теперь звучал почти умоляюще.

Я яростно замотала головой. Нет. Я боюсь. Я до смерти боюсь всего, что здесь происходит!

К дереву подбежал Тео вместе с каким-то мужчиной. Они задрали головы, глядя на меня, как на безумную.

– Бога ради, Рита! – выкрикнул Калеб, и в его голосе было столько боли, что мне на секунду стало не по себе. Что я могу поделать? Я не имею ни малейшего понятия, кто он и что происходит.

Мужчина резко развернул Калеба к себе, его пальцы впились в плечи парня:

– Что с ней случилось? Почему моя дочь в таком состоянии?!

– Пелена… – Калеб зажмурился, будто от физического удара, и резко развернувшись, зашагал прочь. Его кулаки дрожали, а сбитое дыхание было слышно даже с моего ракурса с дерева.

Тео, мой названный брат, сделал шаг вперед, не сводя с меня глаз.

– Слезай. Мы не причиним тебе вреда, Рита. Шла война… между охотниками, нами – соколами – и оборотнями. Калеб – твой возлюбленный. Неужели ты совсем ничего не помнишь?

Но я молчала. В моей голове не было ни любви, ни войны. Я не знаю никакого Калеба, Тео и других. Я своего имени не помню, не то что окружающие меня события.

Огонь со стороны домов стал медленно угасать, и оттуда бежали люди с завязанными глазами. Они бежали в лес, по полю, лишь бы скрыться. Они виновники или жертвы?

Глава 1

Прошло два месяца. Бесконечных, пустых, похожих на зажеванную пленку.

Меня пытались «починить». Приводили магов Саламандр, те окутывали меня своим теплом, шептали заклинания, лили в уши истории о великих битвах и древних союзах… Но я слушала их как чужую, плохо написанную сказку. Я не чувствовала себя частью этих легенд. Я была просто зрителем, который опоздал к началу рассказа и теперь пытается угадать сюжет по описанию листика на несколько страниц.

Того белого волка я больше не видела. И честно? Радовалась этому. Если бы он снова возник на моем пути, я бы просто сбежала, захлебываясь собственным пульсом. Дикий зверь, говорящий человеческим голосом, – это слишком для того, кто не помнит даже собственного цвета глаз. Хотя нет, сейчас я начинаю осознавать собственную внешность. Черные волосы, на свету переливающиеся темно-каштановыми, карие глаза такие же.

Дверь тихо скрипнула. Снова Тео. Каждый раз, глядя в его потухшие глаза, я физически ощущала тяжесть его разочарования. Я хотела верить, что я его сестра. Хотела обнять его и сказать, что все вспомнила, но врать было еще больнее.

– Как ты? – спросил он, останавливаясь у порога.

Я стояла напротив зеркала, изучая свое лицо как незнакомку. Рита. Сокол. Лучший стрелок клана. Звучало гордо, вот только сейчас я не могла даже лук удержать, чтобы руки не дрожали.

– Нормально… – отозвалась я, не оборачиваясь. – Но в голове по-прежнему белый шум. Я не помню ничего из прошлой жизни.

Тео тяжело вздохнул и опустился на край кровати. Матрас под ним жалобно скрипнул.

– Калеба… тоже не вспомнила?

Это имя преследовало меня. Калеб. Оборотень, вождь, великий и ужасный альбинос, способный превратиться в кого угодно, но бессильный перед моей пустотой.

– Я его не знаю, Тео. Для меня это просто имя из чужого лексикона.

– Но ты же выкрикнула его тогда, у леса, – брат поднял на меня взгляд, полный надежды. – Я думал, это зацепка.

– На автомате сорвалось, – я резко повернулась к нему, скрестив руки на груди. – Просто звук, который мозг выдал в момент шока. Это ничего не значит.

– А до этого? До Пелены? Хоть какой-то отблеск?

Я честно попыталась «натянуть» извилины, нырнуть в эту черную воду памяти, но видела лишь одно: красный цвет. Вспышки алого, запах железа, крики. Кровь. Видимо, ее тогда было слишком много, раз даже забвение не смогло ее смыть.

Из рассказов Тео я знала: наш вожак Ксандер – предатель. Он ушел к охотникам, и теперь мы, соколы, выживаем в странном союзе с бывшими врагами – оборотнями. Мир перевернулся, а я стояла в самом центре этого хаоса с пустыми руками. Он рушится, а главной проблемой для всех почему-то стала я, девчонка, что не помнит ничего. Странно, что я ходить не училась с нуля.

– Пойдем? Постреляем из лука, – предложил Тео, пытаясь выдавить улыбку.

– Чтобы я снова опозорилась? – я скептически выгнула бровь.

Брат не ответил, просто мягко взял меня под руку и вывел из дома, а следом на площадку. Здесь тоже все было чужим: и небо, и мишени, и запах.

Тео вложил мне в руки лук, поправил стойку.

– Сфокусируйся. Твое зрение должно сработать, если ты поймаешь тишину внутри.

Я замерла. Соколиное зрение теперь было капризным зверем: то вспыхивало до рези в глазах, то исчезало в самый нужный момент. «Дезориентация в пространстве», – говорили они. А я чувствовала себя сломанным телескопом.

Впереди на подставке лежало яблоко. Я смотрела на него, пока глаза не начало щипать. Ничего. Обычный фрукт в трех метрах от меня.

«Давай же, Рита! Ты – птица, ты должна видеть цель!» – приказала я самой себе, зажмуриваясь до цветных пятен.

Вдох. Выдох.

Мир вдруг дернулся и приблизился. Зрение сработало как мощная линза: я видела каждую пору на кожуре яблока, каждую капельку росы, застрявшую в черенке.

Тетива обожгла пальцы. Щелчок. Бросок.

Стрела со свистом рассекла воздух, но… лишь чиркнула по боку, содрав лоскут желтой кожуры. Яблоко осталось на месте.

– Уже лучше, – Тео ободряюще похлопал меня по плечу. – Раньше ты вообще в забор попадала.

– Тео… я бездарность… – выдох ушел в землю вместе с последними остатками гордости. Я опустила голову, чувствуя, как горят щеки.

– А ну прекрати! – Брат тут же оказался рядом, его руки крепко, по-медвежьи прижали меня к себе. – Ты не бездарность, Рита. Слышишь?

– Слышу, – буркнула я ему в плечо, но внутри все клокотало от обиды на саму себя.

– Ты просто заново учишься дышать, – тихо добавил он, отстраняясь. – Это нормально. Между прочим, из всех соколов именно у тебя всегда был самый зоркий глаз. Весь клан на тебя равнялся.

Я закатила глаза так сильно, что стало больно. Ой ли? Сейчас я чувствовала себя хуже самого последнего птенца. Те соколы, которых я видела на тренировках, хотя бы не мазали по яблоку с несчастных трех метров.

Я со злостью швырнула лук на примятую траву и пошла прочь, не разбирая дороги. Мне нужно было смыть с себя этот липкий стыд, просто исчезнуть на время. Тео остался стоять на площадке; я кожей чувствовала его грустный, тяжелый взгляд, сверлящий мне спину.

Миновав ворота соколиных низин, я вышла к полю. Там, среди бушующего моря цветов, сидела маленькая фигурка. Полли. Единственная, чье имя я запомнила сразу. После того как ее отец, Ксандер, предал нас и ушел к охотникам, девчонка осталась совсем одна. Бывший вожак даже не удосужился забрать дочь или обеспечить ей защиту – просто вычеркнул из жизни, как ненужный абзац.

– Рита? – Полли повернула голову, и в ее глазах отразилось то самое одиночество, которое я видела в зеркале каждое утро.

Я молча присела рядом, погружая пальцы в прохладные лепестки. Розы здесь были странные: нежно-розовые, усыпанные мелкими белыми крапинками, будто припорошенные снегом.

– Ты как? – прошептала я, понимая, насколько глупо звучит этот вопрос в нашем положении.

– Более-менее, – Полли пожала худенькими плечами. – Я папу так и не вижу. Совсем.

– Не грусти, – я попыталась вложить в голос хоть каплю уверенности. – Он вернется…

– Вместе с войной? – вдруг спросила она, и ее детский голос прозвучал пугающе серьезно. – Не нужно. Ты после войны память потеряла…

– Но не из-за него же, – возразила я, хотя знала о Ксандере только из чужих, полных ненависти рассказов.

– Откуда ты знаешь? Ты же вообще ничего не помнишь… – Полли осеклась, заметив, как я вздрогнула. – Прости…

Я покачала головой, сглатывая комок в горле. Она была права. Маленькая девочка видела правду яснее, чем я со своим «соколиным зрением».

– Все хорошо. Не извиняйся, – я поднялась, отряхивая одежду. – Долго тут не засиживайся, Полли. Холодать начинает. Скоро вечер.

Она кивнула и снова уткнулась в свои розы, будто искала в их аромате ответы на вопросы, которые взрослые боялись задавать.

Я шла обратно, и вдруг ветер донес до меня странный, до боли знакомый аромат. Это не был запах роз. Это была густая смесь табака, хвои и чего-то дикого.

Мое сердце пропустило удар. Однако за спиной никого не было. В голове что-то всплыло, словно я уже чувствовала подобное раньше, но где и как, понятия не имею. Я разбилась о скалы собственных мыслей, без надежды вернуться обратно.

Я вернулась в дом и бессильно рухнула на диван. В голове гудело. Это странное ощущение в поле… оно отозвалось во мне не болью и даже не страхом. А пустотой. Глупой, звенящей и какой-то бесценной. Будто из меня вытряхнули все содержимое, а оболочку забыли выбросить.

Не знаю, сколько я так просидела. На дворе уже вовсю вечерело, тени в углах стали густыми, а я все продолжала пялиться на запястье. Метка моего клана. Золотое перо. Красивое, яркое… и такое, мать его, чужое.

Вдруг до моих ушей донесся звук. Едва заметный… скулеж?

Я нахмурилась, вглядываясь в окно. Пусто. Только кусты на улице слегка вздрогнули, будто по ним кто-то прошелся. Воры? Охотники? Кто это был?

Я поднялась и пошла к двери. Тишина была такая, что я слышала собственное дыхание. На крыльце – никого. Пустота.

И тут – тихий, тонкий писк прямо под ногами.

Я опустила голову и замерла. Маленький белый мышонок.

– Боги… какой ты крошечный.

Я опустилась перед ним на корточки. Он не кинулся наутек, наоборот – подбежал ближе, будто мы с ним сто лет знакомы. Совсем не боится.

– Ты откуда тут взялся такой смелый?

Мышонок лишь дернул усиками. Секунда – и он уже на мне. Перебирая лапками, он шустро вскарабкался по одежде и уселся прямо на плечо.

Я повернула голову, глядя на него в упор, и тут меня накрыло. Странное чувство.

Дежавю.

Я нахмурилась, вглядываясь в бусинки-глаза этого мелкого грызуна. Где я могла это видеть? Память царапнула изнутри, но не открылась. Мышь, заметив мое замешательство, в буквальном смысле задержала дыхание. Замерла, как статуя.

Оборотень.

Меня будто током ударило. Я дернулась, вскрикнула и со всей дури отшвырнула мышь в сторону.

Воздух на мгновение подернулся черной дымкой, и прямо на землю, задрав ноги, свалился человек. Калеб. Этот гребаный альбинос.

– Не швыряйся ты так! – прошипел он, потирая ушибленный зад.

– А ты что тут забыл?! – я сорвалась на крик, чувствуя, как внутри все закипает от возмущения. – Ты за мной в виде мыши следишь?

– Догадайся, – бросил он, медленно поднимаясь на ноги. Его белые волосы в сумерках казались почти прозрачными.

Я сделала резкий шаг к двери, вцепляясь в ручку.

– Убирайся отсюда… Живо!

– Что я тебе сделал, Рита? – он замер, не пытаясь подойти. – Почему ты так меня боишься?

– Потому что я тебя не знаю! Не знаю, понимаешь?! – крикнула я ему в лицо и, не дожидаясь ответа, с силой захлопнула дверь.

* * *

Я потерялся. Серьезно.

За то короткое время, что она провела в моем племени, я втюрился в нее как последний идиот. А она? Она просто все стерла.

Виню ли я ее? Нет. Ни за что. Но то, что она меня боится… это добивает. Пока в ее глазах при виде меня застывает ужас, я не смогу к ней даже на шаг подойти. Дикая птица, которая забыла своего хозяина.

– Ну как успехи? – Тони вынырнул из теней мне навстречу.

Я остановился, глубоко затягиваясь самокруткой. Дым обжег горло, но это была единственная приятная боль за весь вечер.

– Прогнала, – выдохнул я вместе с сизым облаком. – Хлопнула дверью прямо перед носом.

Мне было тошно вспоминать слова Тео. Эта гребаная Пелена забвения… Он сказал, что воспоминания могут не вернуться никогда. Вообще. Это значит, что все наши ночи, все слова, все, через что мы прошли, – теперь помню только я один. Словно я брежу наяву, а ее мир девственно чист.

– С чем черт не шутит, Калеб… – Тони задрал голову, разглядывая первые звезды. – Может, еще отпустит?

– Я этому черту все рога обломаю, когда найду того, кто это сделал, – процедил я. Пальцы сжали самокрутку так, что она почти рассыпалась.

Тони было хмыкнул, но, поймав мой взгляд, тут же стер улыбку с лица. Он знал – я не шучу. Я выпотрошу любого сокола, приложившего к этому руку. Ксандер? Отпадает. Пока Рита бежала в лес, этот несчастный вожак валялся в отключке под магией Саламандр. Значит, был кто-то еще. Кто-то тихий и очень опасный.

– Идем. Нам пора домой, – я бросил окурок и зашагал вперед, не оборачиваясь.

– Ты разве не планировал заночевать здесь? – Тони едва поспевал за мной.

– Щас! – я театрально, с издевкой поклонился невидимой публике. – Прикажешь мне на сене спать, как какому-то коню?

– Ну… – друг философски пожал плечами, – если не заниматься там сексом, то сено – штука вполне сносная.

Я выгнул бровь, глядя на него как на умалишенного.

– Тони, напомни мне, пожалуйста… почему ты все еще мой друг?

– Не знаю… – Тони пожал плечами, на его губах играла привычная полуухмылка. – Может, потому что я спасаю твой зад каждый раз, когда ты решаешь вляпаться в дерьмо?

Я только закатил глаза. В чем-то он был прав, чертяка.

Мы шли по лесу, намеренно не таясь, но настороженность была моим вторым именем. Охотники все еще рыскали где-то здесь, и возглавлял их Ксандер. Эти твари сменили логово, затаились так глубоко, что ни один след не выводил на них. Ждали. Высматривали удобный случай, чтобы вцепиться нам в глотки.

Наше поселение мы починили за короткий срок, хоть и разрушений было достаточно много.

– Что будешь делать с Ритой? – спросил Тони, с хрустом ломая в руках сухую ветку.

– Не знаю… – выдохнул я вместе с дымом. – Я, черт возьми, не знаю, как вернуть ее к жизни. К нашей с ней жизни.

Мы добрались до поселения незаметно. Время в последние месяцы превратилось для меня в воду: утекало сквозь пальцы, не оставляя ничего, кроме сырости. Оборотни уже спали, в хижинах было тихо. Тони коротко кивнул и ушел к себе, а я направился к главному дому.

Всякий раз, переступая этот порог, я чувствовал ее присутствие. Это был не запах и не остатки тепла… просто она. Будто Рита стала призраком этого дома. Моим личным наваждением, сном наяву, из которого невозможно проснуться.

Внутри было темно и чертовски холодно. Я даже не прикоснулся к камину – ни один огонь не согреет меня так, как грела она.

Лина исчезла вместе с Ксандером, а Рут… этот скользкий тип повадился ходить на нейтральную территорию, к кладбищу между соколами и нами. Похоронил там свою возлюбленную в той войне и теперь ошивался у могил. Я приказывал следить за ним, но каждый раз Рут просто испарялся, будто умел прошивать пространство насквозь.

Кто это сделал с ней? Кто посмел?

Когда я тогда нашел ее, рядом был только Тео. И пустота. За кем она бежала? Зачем? Что заставило ее сорваться с места?

Вопросы плодились в голове, как крысы, и ни на один у меня не было ответа.

Если бы она вспомнила хоть крупицу… хоть малую часть того, что между нами было, я был бы на седьмом небе. Но она не помнила даже собственного имени. Рита училась жить заново, будто никогда и не была той самой соколицей. Зоркой, точной, невыносимо харизматичной и бойкой… Будто она никогда не была моей.

Я зажег свечу, жмурясь от резкого света. Глаза нещадно жгло от недосыпа, веки слипались, но стоило мне закрыть их – и я видел ее. Беспомощную. Напуганную. Глядящую на меня как на монстра.

На столе лежал пергамент. Я пододвинул его к себе, рассматривая рисунок ее клейма. Золотое перо. Я вырисовывал его два месяца, по миллиметру восстанавливая в памяти каждую черточку, каждый изгиб на ее тонком запястье.

Это было единственное, что давало мне покой. И единственное, что напоминало: она – настоящая. Она была здесь. Со мной.

– Ты что, серьезно? Снова просидел всю ночь над этим рисунком? – Голос Тони прозвучал так неожиданно, что я подпрыгнул на месте. Сердце тут же пустилось вскачь, вбивая адреналин в виски.

Я медленно повернул голову к окну. За стеклом уже брезжил серый рассвет. Я снова продолбал время. Опять.

– Да… пришлось, – выдохнул я, бессильно опускаясь обратно на стул. Пальцы мелко дрожали.

– Тебе нужно спать, и это, мать твою, не обсуждается, дорогой мой друг.

Тони не стал ждать согласия. Он просто подошел, сцапал меня за воротник рубашки и потащил в сторону дивана, как нашкодившего щенка.

– Тони, отвали, я не усну, понимаешь? – Я уперся ногами в пол, пытаясь остановиться. – Она везде мне мерещится. В каждом углу, в каждой тени. Стоит мне закрыть глаза – и я снова слышу, как она кричит.

– Мы найдем способ вытащить ее из этой бездны, Калеб. Клянусь, найдем. Но то, что ты превращаешься в живой труп, ей лучше не делает.

Друг с силой толкнул меня на диван и отошел к окну, скрестив руки на груди.

Спорить с ним было бесполезно. Тони, если вобьет себе что-то в голову, станет похлеще любого охотника. Я едва успел коротко кивнуть и уронить голову на подушку.

Мир качнулся. Перед глазами поплыла серая пелена. Сознание просто выключилось, проваливаясь в темноту, где не было ни рисунков, ни табачного дыма. Только тишина.

Глава 2

Держать лук два месяца без передышки, до кровавых мозолей и дрожи в плечах? Да, это про меня. Мне это было нужно – как воздух, как доказательство того, что я еще существую.

Я живу по чужим словам, не помня саму себя. Но зачем им врать? Они ведь делают меня лучше. Они не говорят: «Рита, ты была паршивым соколом, и амнезия тебя не исправила». Нет, они твердят, что я была лучшей. Что я была их гордостью.

– Ты снова на ногах? – Голос брата разрезал тишину, и яблоко взмыло в воздух, подброшенное его ладонью.

Секунда. Мой взгляд намертво вцепился в цель.

Мир вокруг вдруг стал неестественно четким. Я почувствовала, как зрачки сузились до крошечных точек – так, что со стороны их, наверное, и не разглядеть.

Натянуть тетиву – дело мгновения.

Следующая секунда – я вижу траекторию падения. Я буквально читаю путь яблока в воздухе.

Еще секунда: фрукт замирает в высшей точке и начинает падать.

Я отпускаю тетиву.

Тео застыл. Стрела со свистом прошила воздух в миллиметре от его пальцев, с глухим стуком вонзилась в деревянную перекладину, и только следом яблоко мягко упало ему в руки.

– Черт! – выругалась я, опуская лук. Плечо ныло.

– Спасибо, что не в голову, сестра, – Тео нервно усмехнулся, разглядывая целое яблоко.

– Я не могу поймать момент, – я смахнула пот со лба. – Время замедляется, я все вижу… но руки будто не успевают. Будто тело забыло то, что помнят глаза.

Тео подошел и обнял меня за плечо, вкладывая яблоко мне в ладонь.

– Ты справишься. Без учения нет умения, помнишь? Пойдем, тебя мама звала.

Мама. Женщина с раздробленными ногами, которая месяцами не покидала своей комнаты. Для сокола застрять в четырех стенах, не имея возможности даже встать – это ад. Настоящий, земной ад. Мне было ее жаль до щемящей боли в груди.

Я вошла в ее комнату. Пахло сухими травами и пылью. Мама склонилась над вышивкой, сосредоточенно ведя иглу.

– Мама? Ты звала?

Она подняла голову и прищурилась, будто пыталась разглядеть во мне ту, прежнюю Риту.

– Прости, я думала, ты занята, – она медленно отложила пяльцы. – Садись.

– Я постою. Что случилось?

– Хотелось поговорить… – она замялась. – Ты совсем ничего не вспомнила?

Я покачала головой. Очевидно же. За два месяца – ни единого кадра, ни одной вспышки. Время течет как вода, а я стою на месте, запертая в собственном теле, как в клетке.

– Если бы я только знала, как тебе помочь, Рита, – прошептала она, прикрывая глаза.

– Ты не виновата в том, что со мной сделали другие.

– Ты не помнишь его лицо? Того, кто был рядом?

– Пыталась… Тщетно. Вырезали куски моей жизни, как ненужный хлам. Осталась только пустота… и этот волк.

– Калеб?

– Угу… – я поморщилась. – Вчера вечером притащился в форме мыши. Я его отшвырнула так, что думала – кости переломаю. Наглый…

Мама протянула ладонь, и я невольно вложила свою руку в ее сухую кисть.

– Калеб не желает тебе зла, Рита. Ты правда не помнишь?

Я покачала головой.

– Только с ваших слов. Что я должна была помочь ему найти мать, что он влюбился, и после этого наши племена наконец перестали грызться… а потом война, Ксандер, Охотники. Это просто история из учебника, мам. Она не моя.

– Может… ты видела его мать? Стен сказал, ты сорвалась с места очень резко. Будто увидела кого-то на границе территории оборотней.

Я зажмурилась. Боги, за кем я бежала? Куда? Кого я встретила в том лесу перед тем, как мир погас? Это не жизнь, это сплошной допрос в темной комнате!

– Рита, – мама вдруг крепко сжала мою ладонь. – Будь осторожнее и… просто попробуй довериться. Я знаю, ты не готова открываться кому-то сейчас, но я так хочу, чтобы ты вернулась. С памятью. Наша.

Я застыла. Слова мамы ударили под дых. Раньше я думала, что доверять – значит собственноручно копать себе могилу. Но если даже она говорит такое… значит, цена вопроса слишком высока, чтобы продолжать скалиться на весь мир.

– Я не помню… Боюсь, не вспомню ничего, – выдохнула я, ссутулив плечи под тяжестью собственного бессилия.

Мама ничего не ответила. Если уж на то пошло, она и сама толком не знала, что именно произошло в тот роковой день. Я вышла из ее комнаты и медленно спустилась по лестнице вниз. Папы дома не было. Он разведчик, как мне твердили, и сейчас следит за тем, чтобы к нашему поселению не пробрались охотники. Хоть запах роз и дурманит их разум, расслабляться нельзя – враг всегда ищет лазейку.

Моя задача казалась простой: просто брать и вспоминать. Но как можно выудить то, чего нет? Мозг – великий обманщик. Он может мастерски достраивать картинку, заполнять пробелы фальшивыми деталями, лишь бы избавиться от пустоты. И мне этот феномен ох как не нравился.

Дверь распахнулась, и на пороге возникли Тео и Рокки – его лучший друг, как я успела узнать за это время.

– Рит, есть задание, – Рокки по-хозяйски скрестил руки на груди.

– И что на сей раз вы мне предложите? – я скептически выгнула бровь.

За последние два месяца они перепробовали все: от стрельбы из лука до «случайных» прогулок по самой границе территории оборотней. Навязчивая забота начинала утомлять.

– Пойдем к пруду? – почти синхронно спросили они.

– К пруду? Зачем?

– Обычно люди там купаются, но ты можешь придумать что-то свое, – усмехнулся Рокки.

Спорить с ними было себе дороже – проще согласиться. Уже через десять минут мы были на месте. Пруд прятался совсем рядом с лесом: зеркально чистый и открытый солнцу. Воздух здесь был особенным, с едва уловимым оттенком настоящей, бьющей ключом жизни. Не знаю, как описать это точнее, но это место действительно успокаивало.

Но не меня. Я отрешенно опустилась на поваленное дерево, поджав колени к подбородку, пока парни со смехом стягивали с себя лишнюю одежду. Рокки прыгнул первым – с разбега, прямо в штанах. Туча брызг долетела до меня, заставив зажмуриться.

– Эй, аккуратнее! – прокричала я, хотя на губах невольно заиграла улыбка.

– Иди к нам! Лето на дворе, вода как парное молоко! – хохотал Рокки, активно махая мне рукой.

Брат занырнул следом за ним, а я вдруг застыла. В голове что-то щелкнуло.

Вспышка.

Я с силой прижала ладони к ушам, пытаясь заглушить внезапно возникший вой, но он только нарастал, превращаясь в невыносимый ультразвук. Боль пробила череп насквозь, острой иглой пройдясь по всему позвоночнику.

Стена. Огонь. Грозный волчий вой, от которого стынет кровь. Колени затряслись, и я вцепилась пальцами в кору дерева. Или это было что-то другое? Более твердое, холодное…

Кровь на снегу.

Нет… это не кровь. Это лепестки. Кроваво-красные, яркие, словно открытые раны на белом полотне.

– Рита! – крепкие руки Тео схватили меня за плечи, буквально выдергивая из вязкой пелены видения.

Я открыла глаза. Меня била крупная дрожь. Ладони брата были ледяными от воды, и этот холод помог мне окончательно прийти в себя.

– Где я могла видеть лепестки на снегу?.. – спросила я едва слышным шепотом.

– Лепестки? – Тео нахмурился, не выпуская меня.

– Да. Я только что видела их… так отчетливо. Они были как разлитая кровь, – мой язык заплетался, и я нервно поджала губы.

– Может, Калеб тебе их дарил? – предположил Рокки, выныривая у самого берега.

– Не знаю… не помню.

– Искупайся, легче станет. Смой это все, – тихо посоветовал брат.

Я кивнула. Наверное, это было самое нормальное предложение за последние дни. Я вошла в воду прямо в одежде – мне было плевать на липкую ткань и дискомфорт. Иногда нужно перебить нежность физической жесткостью, чтобы не сойти с ума.

Зайдя по пояс, я сделала глубокий вздох. Рокки наблюдал за мной, склонив голову набок, в его глазах читалось нескрываемое беспокойство.

– Лучше?

– Да… – выдохнула я, глядя, как круги на воде расходятся от моих движений.

Образ лепестков… Где я могла их видеть? Логика подсказывала, что эти алые пятна – кровь, но чья? Моя? Снег в наших краях лежал только у поселения оборотней. Они жили ближе к горам, и там белое покрывало не таяло практически круглый год, даже в самое жаркое лето. Значит, мои воспоминания ведут меня именно туда.

– Не застревай в своих мыслях, – прервал мои раздумья Тео и без предупреждения толкнул меня в воду.

Я едва успела инстинктивно задержать дыхание, прежде чем полностью погрузилась в прохладную глубину. Пузырьки воздуха защекотали кожу, и на мгновение стало удивительно спокойно. Выныривать совсем не хотелось.

Я рискнула открыть глаза… и тут же оцепенела.

На меня, разрезая толщу воды, кто-то плыл. Это не была случайная тень или игра света. Это был человек. Пугающий, неестественно бледный человек с пустым взглядом.

Он преследовал меня. Преследует!

Его длинные руки потянулись ко мне, словно костлявые щупальца. От дикого, первобытного страха сковало все движения. Легкие начали гореть, требуя кислорода, и я, лишь чудом преодолев оцепенение, оттолкнулась от воды, выныривая на поверхность и судорожно захлебываясь.

– Господи, да что с тобой такое?! – Рокки тут же подхватил меня под руки, притягивая к себе, чтобы я не ушла на дно.

Я вцепилась в его шею, как в спасательный круг, пытаясь выровнять рваное дыхание. Сердце колотилось так, будто хотело пробить ребра.

– Что ты там увидела? Маленькую рыбку? – попытался разрядить обстановку Тео.

– Там кто-то был… человек… – выдохнула я, не в силах отвести взгляд от темной глади воды.

Если бы это действительно был человек, он бы не смог так долго оставаться без воздуха. Значит, это морок? Плод моего больного сознания?

– Так, ладно, прогулка явно не удалась, – произнес Тео уже серьезно, помогая мне выбраться.

Я снова все испортила. Они искренне хотели мне помочь, подарить капельку нормальной жизни, а я, как всегда, отыскала тяжелое дождливое облако посреди ясного неба. Но этот человек под водой… он казался реальнее, чем все, что окружало меня на берегу.

Рокки ушел к себе, а Тео усадил меня перед камином, плотно укутав пледом, чтобы согреть. Ткань казалась колючей, но тепло огня постепенно пробиралось под кожу.

– Кто тебя так яро преследует? – тихо спросил брат, присев рядом на корточки.

– Я не вижу его лица. Только резкие вспышки и обрывки, которых я не помню… Может, это тот самый человек, который наложил на меня это проклятие? – я прикрыла глаза, стараясь не вызывать в памяти тот водянистый силуэт.

Тео покачал головой, не отрывая взгляда от пляшущих языков пламени.

– Прости. Я не должен был толкать тебя в воду.

– Ты просто хотел помочь, – я попыталась улыбнуться, но губы едва дрогнули. – Это не твоя вина, что моя голова теперь – разносчик инфекции в виде морока.

Дверь с шумом распахнулась. В дом вошел отец, тяжело дыша. С его одежды ручьями стекала вода. На улице дождь?

Я прислушалась. Действительно, погода испортилась так стремительно, что я даже не заметила за своими видениями. Но, вопреки всему, звук капель, барабанящих по крыше, приносил странное спокойствие. От этого мерного шума захотелось закрыть глаза и провалиться в глубокий сон без сновидений.

– Как разведка? – спросил Тео, поворачивая голову к отцу.

– Ничего нового. Охотников поблизости нет. Будто после той резни они все разом вымерли, – папа скинул промокший плащ на пол и подошел к нам, распространяя запах сырости и хвои.

– Хотелось бы в это верить, – прошептал Тео.

Отец уселся в соседнее кресло, взяв в руки кружку с настойкой роз. Пряный, дурманящий аромат тут же заполнил пространство у камина.

– Ты как, Рита? – он внимательно посмотрел на меня.

Я отвела взгляд. Как я? Да никак. Если я расскажу ему про морок под водой и костлявые руки, меня точно сочтут сумасшедшей.

– Хорошо. Мы сегодня к пруду ходили, немного развеялись, – спокойно ответил брат за меня, избавляя от необходимости врать.

– Завтра мы снова идем к Саламандрам, – ровным тоном произнес отец, глядя в свою кружку.

Я подняла голову.

– Снова? За эти два месяца я там стала уже как коренной житель.

– Других вариантов нет.

Только вот из всех «практичных» вариантов этот казался самым бесполезным. Вместо возвращения настоящей памяти я лишь глубже погружалась в обрывки чужой жизни, которой у меня, судя по всему, никогда и не было.

* * *

Сколько я проспал? Кажется, целые сутки. На дворе уже догорал вечер, а по крыше монотонно барабанил дождь. Я медленно потер глаза, с трудом отгоняя липкие остатки снов. Хотя, честно говоря, лучше бы эти сны были реальностью, чем то, что ждало меня наяву.

– Доброй ночи, – раздался спокойный голос из угла.

Я резко дернулся, едва не свалившись с дивана. Тони сидел за столом и с совершенно невозмутимым видом листал какую-то книгу.

– Ты что, из-под земли вырос? – выдохнул я, прикрывая глаза ладонью. – Ты в моем доме уже скоро пропишешься, дружище.

– Вполне могу, – Тони закрыл книгу, не меняя выражения лица. – Иначе кто будет следить за тем, чтобы ты хоть иногда спал, а не превращался в призрака?

– Не нужно за мной следить, я не ребенок, – я поднялся с дивана, вытянув руки к потолку и чувствуя, как с неохотой растягиваются затекшие мышцы.

– Ты звал ее во сне…

Я замер на полуслове. Воздух в комнате будто стал гуще.

– Кого?

– Догадайся с трех раз, кого ты последние два месяца пытаешься вытащить из пелены забвения, – Тони встал из-за стола и серьезно посмотрел на меня. – Ты не один головой поехал, судя по всему.

– Не говори загадками, я только проснулся.

– Рита. Я был сегодня у их пруда. Меня не заметили, но я видел, как она ломается, Калеб. Сначала ее накрыло вспышкой боли, она твердила про какие-то лепестки, похожие на кровь… А потом вынырнула из воды с таким лицом, будто собственную смерть там увидела.

Я застыл, забыв, как дышать. Она ломается, а я сижу здесь, запертый в четырех стенах своих подозрений, и ничего не могу с этим поделать. Кого она видит в своих кошмарах? Что с ней происходит? Эти вопросы били меня под дых, похлеще любого вражеского клинка.

– Она больше ничего не сказала?

Тони покачал головой:

– Нет. Тео сразу увел ее обратно в дом.

Друг снова опустился на стул и открыл книгу на середине.

– Да что ты там высматриваешь все время? – нахмурился я, подходя ближе.

– В этой книге подозрительно мало страниц. И все они вырваны – видишь, обрывки у переплета? Но я нашел одно уцелевшее предложение про мага и целителя.

Я наклонился, всматриваясь в пожелтевшую бумагу.

– Эту книгу читала моя мама… И страниц там точно было больше.

– Значит, кто-то очень не хотел, чтобы о нем знали, – Тони провел пальцем по строчке. – Но если верить этому клочку… такой маг действительно существует. Он отшельник. Это все, что удалось выудить.

– И что ты предлагаешь? – я поднял на него взгляд.

– Завтра Риту снова поведут к Саламандрам. Они маги, должны знать о своих «сородичах». Спроси их.

– Чтобы Рита меня увидела и снова в лицо плюнула? – я горько усмехнулся.

– Согласись, ты только этого и ждешь. Лишь бы увидеть ее.

Ладно, этот черт знает меня лучше, чем я сам. Страницы вырваны… Кто решился на такой дерзкий шаг в моем собственном доме? Но если это единственный призрачный шанс помочь ей – я вцеплюсь в него зубами.

Глава 3

Мы снова – отец, брат и я – начали подъем к окраине, а именно к Огненным Вершинам. Поселение Саламандр ютилось на самом краю обрыва, надежно укрытое живой стеной рыжего пламени. Огонь ревел, преграждая путь любому чужаку.

Отец, не колеблясь, сделал шаг вперед. Пламя послушно качнулось и расступилось, как дрессированный пес. Говорят, огонь не жалит, если не чувствует от тебя угрозы, но мне все равно казалось, что он пробует мою кожу на вкус.

Внутри поселение жило своей странной жизнью. Группа магов тренировалась разжигать костры, используя лишь сухие листья и силу воли; другие, застыв в глубокой концентрации, левитировали камни, заставляя их медленно кружить в воздухе. Главное оружие Саламандр – умение обращать плоть в камень – всегда казалось мне сомнительным даром. Если не разбить статую сразу, враг со временем «оттает». Бессмысленная трата сил: ты либо убиваешь, либо просто создаешь себе временную декорацию.

– Стен, друг мой! – Энди, один из магов и их вождь, раскинул руки в приветствии.

– Мы снова к тебе за практикой, – глухо выдохнул папа и отошел в сторону, уступая мне место.

Я замерла, обхватив себя руками. Было страшно до тошноты. Вела ли я себя так же до того, как пустота сожрала мои воспоминания? Была ли я такой же… беспомощной?

Энди бесшумно обошел меня сзади и бесцеремонно опустил подбородок мне на плечо.

– Что-то вспомнилось, Сокол?

Я лишь коротко мотнула головой, чувствуя, как внутри закипает глухое раздражение.

Парень закатил серые глаза.

– М-да, тяжелый случай.

– А мы без тебя будто не поняли, – огрызнулся Тео, делая шаг ко мне.

– Спокойно, дружище, всему свое время. Ты слишком напряжена, – Энди внезапно вцепился мне в плечи, начиная больно, до хруста, массировать мышцы.

Я резко дернулась, сбрасывая его руки.

– Прекрати.

– Характер прежний, – он усмехнулся. – Хотя до потери памяти ты бы уже долбанула мне по морде.

«Не поверишь, я и сейчас этого хочу», – подумала я, сжимая кулаки. Единственное, что меня останавливало, – присутствие отца и брата. Стыдно было устраивать сцену перед теми, кто все еще надеется меня починить.

– Энди, хватит ее мучить, – раздался холодный голос Хелен. Она шла к нам – спокойная, властная, настоящая ведьма. Единственный человек здесь, чей взгляд не вызывал у меня желания немедленно сбежать.

Саламандры считались самыми неконфликтными среди племен. Им доверяли. Но я не могла. Два месяца они возились с моим разумом, и два месяца я видела лишь серый туман вместо своего прошлого.

– Рита, вставай, – приказала Хелен.

– Куда?

– В круг.

Только сейчас я заметила на земле ровное кольцо, выведенное раскаленным песком. Сделав шаг внутрь, я почувствовала, как Саламандры обступили меня, замыкая пространство.

– Не смей отводить взгляд, – Хелен подняла руки. Между ее пальцев заплясали мелкие искры.

Я впилась взглядом в ее глаза, стараясь не моргать. Внутри все сжалось: а что, если это снова закончится ничем? Что, если я так и останусь пустой оболочкой, которую все пытаются наполнить чужими ожиданиями?

Мое тело начала бить мелкая, неприятная дрожь.

– Так, процесс пошел… – донесся сзади шепот Энди.

Он повторял пассы Хелен, а я стояла между ними, словно безжизненная статуя. В голову закралась жуткая мысль: а что, если они и правда делают из меня истукана? Чтобы я не мучилась, чтобы просто перестала существовать как личность? Эта догадка ударила в грудь с такой силой, что лицо непроизвольно исказилось.

– Не смей отворачиваться! – снова приказала Хелен.

– Я не…

Голова. Мать твою, голова! Мир вокруг взорвался. Я зажмурилась и закрыла уши руками, но это не помогло. В черепе поселился невыносимый визг, а следом пришла боль – такая, будто по темени со всего маху ударили кузнечным молотом.

Картинки замелькали, сменяя друг друга с бешеной скоростью. Кто я? Где я? Что это за место?

Холм. Дом. Лук. Роза… Кровь на моих ладонях. Теплая…

Я не могла разглядеть детали, все плыло. Я дергалась в конвульсиях, не слыша, что мне кричат отец и Тео. Страх затопил горло, вытесняя воздух. Ноги стали ватными и перестали слушаться. По телу прошел жар, обжигая внутренности, и я распахнула глаза.

Выступ. Пропасть. Край каменной плиты ушел из-под ног.

Я потеряла равновесие. Отец и брат рванулись ко мне, их вытянутые руки застыли в воздухе, не долетев до моих пальцев считанных сантиметров. Я уже летела вниз. Крик разорвал тишину подгорки, и я снова закрыла лицо руками. Перед глазами все еще стояли те видения. Нет! Не уходите! Останьтесь!

Я ждала удара. Ждала, что сейчас встречусь с землей и моя жизнь оборвется, так и не успев начаться.

Внезапно кто-то мертвой хваткой вцепился мне в шиворот. От резкой остановки на высокой скорости горловина комбинезона едва не перерезала мне дыхание. Я закашлялась, жадно хватая ртом воздух, и задрала голову.

Белый орел.

Он осторожно опустил меня на камни, но ноги не удержали, и я позорно шлепнулась на задницу. Внутри все еще колотилось сердце, а перед глазами плясали пятна. Секунда – и вместо птицы передо мной завихрилась черная дымка. Калеб. Он уже стоял здесь, возвышаясь надо мной.

– Как ты? – спросил он, опускаясь на одно колено.

– Могло быть и лучше, – прохрипела я.

– Ты что-то вспомнила?

– Нет… Только обрывки. Картинки, которые я не могу понять.

– Что именно ты увидела?

Боже, он достанет меня своими расспросами даже в аду. Я резко вскочила, игнорируя дрожь в коленях.

– А ты какого черта здесь делаешь? Тебя не приглашали в Огненные Вершины.

– Ничего, что я тебя только что спас? – он прищурился.

– Ничего. Может, ты сам меня и толкнул? Чтобы я поскорее все вспомнила и прыгнула к тебе в постель? Не дождешься, оборотень.

Я развернулась и на негнущихся ногах пошла прочь, к выходу из поселения Саламандр. Я знала, что эти сеансы пока не дают ответов. Но внутри теплилась слабая надежда: за два месяца

я впервые увидела не просто красное марево, а реальные образы. Кровь и розы. И именно это теперь меня преследует вторые сутки подряд.

На спуске меня перехватил Тео. Он несся сломя голову, и его дыхание вырывалось из груди с присвистом.

– Цела? Руки, ноги на месте? Дышать не тяжело? – он вцепился в мои плечи так сильно, что кости жалобно хрустнули.

– Все в порядке, – ответила я, пытаясь унять дрожь. – Меня спасли.

– Я знаю…

Брат сгреб меня в охапку, прижимая к своей груди так, будто хотел спрятать от всего мира. Я уткнулась носом в его плечо и обняла его в ответ. В этом жесте было слишком много отчаяния.

– Почему ты потерялась в пространстве, Рита? – прошептал он мне в макушку.

– Не знаю… голова взорвалась. А потом я просто перестала чувствовать землю.

– Это значит, что твоя память возвращается через боль, – раздался холодный голос Хелен. Она подошла к нам вплотную. – Твой мозг выстроил баррикады. Чтобы их снести, нужна грубая сила.

– А можно… без боли обойтись? – я подняла голову.

– Можно, – Хелен равнодушно пожала плечами. – Но тогда ты вспомнишь только шелуху. Какого цвета было твое любимое платье или какой чай ты пила по утрам. Бесполезный хлам, который тебе и даром не нужен.

Я посмотрела на брата. Его лицо было бледным, в глазах застыл страх.

– А может, ну его? – прошептала я. – Буду учить все заново. Буду жить с чистого листа… Ну подумаешь, выпали девятнадцать лет. Это же не критично, правда? Тео, скажи, что это не конец света.

Брат промолчал, но за него ответила Хелен. Она начала медленно обходить нас по кругу, словно хищник, выбирающий точку для прыжка.

– Критично. Потому что без прошлого ты – чистый лист, на котором любой может написать свою ложь. Тебя слишком легко обмануть, Рита. Тебе могут сказать, что ты предала свой род. Могут внушить, что в родном поселении тебя держат лишь из жалости… или для опытов. Как диковинного зверя, который забыл, как кусаться.

Я отвела взгляд. Мое тело непроизвольно дернулось, а пальцы впились в пальто брата. Мысль о том, что мои близкие могут что-то скрывать, кольнула сердце ледяной иглой. Такого просто не может быть. Ведь не может же?..

– По глазам вижу – сомневаешься, – Хелен остановилась прямо передо мной. – Именно поэтому ты должна вспомнить все. Чтобы знать, кто тебе друг, а кто просто умело притворяется.

* * *

Я в очередной раз с силой прижался лбом к шершавой коре дерева, чувствуя, как кожа горит от ссадин. Плевать. Внутри все выгорало куда сильнее. Она не вспомнит. Просто не вспомнит меня, и все!

– Выглядишь паршиво, – раздался голос Энди где-то сбоку.

– Правда? – я даже не обернулся, голос прозвучал сухим и насквозь пропитанным иронией. – А я и не заметил. Думал, синяки под глазами размером с кулак – это новый писк моды.

– Паршиво, – подтвердил маг, игнорируя мой сарказм. Похоже, чувство юмора у Саламандр атрофировалось вместе со способностью потеть.

– Чего тебе? – я оттолкнулся от ствола и посмотрел на него.

– Спросить, как ты, – он просто пожал плечами.

– Прекрасно. А теперь катись отсюда в пир, в мир и к добрым людям. Мешаешь.

Парень кивнул и уже сделал пару шагов обратно к подъему, как я опомнился.

– Энди! – маг обернулся. – Ты слышал что-нибудь про мага-отшельника?

– Ну… в наших краях таких не водилось. Саламандры своих не бросают, мы никогда не теряли никого из клана.

– Кажется, он Сокол, – я скрестил руки на груди. – Тони обещал разузнать, но мне эта информация нужна прямо сейчас. Жизненно необходимо.

– Хочешь отправить Риту к нему?

– Желательно. Раз она из их рода, он может знать о ее состоянии больше, чем все ваши искры и песочные круги вместе взятые. Его не зря зовут магом, для такой клички в наших лесах нужны веские причины.

Энди поджал губы, явно взвешивая что-то в уме.

– Жди здесь.

– Ты куда?

– Вернусь через десять минут!

– Я за эти десять минут успею сам все выяснить! – крикнул я ему вслед, но маг уже скрылся за скалистым выступом, ведущим к его племени.

Десять минут. Отсчет пошел. Каждая секунда бездействия вгрызалась в мозг. Глаза жгло так, будто в них насыпали пепла. Я не спал черт знает сколько… сутки, недели? Все из-за нее. Из-за Сокола, который умудрился разбить мое сердце, собрать его по осколкам и снова разнести в пыль одним равнодушным взглядом.

– Ты – Калеб?

Я резко обернулся, рука сама дернулась к скрытому ножу. На меня смотрела девчонка лет пятнадцати. Светлая коса перекинута через плечо, взгляд серьезный, не по возрасту.

– Да… – я немного расслабился, но взгляда не отвел.

– Я Аллен. Тебе все еще нужны сведения про отшельника?

Я коротко кивнул. И она собирается мне что-то рассказывать? Больше похоже, что она пришла поиздеваться.

– Моя бабушка два года назад начала слепнуть. Дикая слепота, белая пелена перед глазами, – начала она, подойдя ближе. – Кто-то шепнул мне про этого человека. Имени не называли, но я рискнула. Отвела ее в глушь. Он был строгим, но вылечил ее за два дня.

– Ты помнишь дорогу? Покажешь? – я подался вперед, чувствуя, как внутри вспыхнула надежда.

– Только у меня условие.

– Все, что хочешь.

– Говори о нем только тем, кому доверяешь как самому себе. Я много знаю об этом отшельнике, но не имею права болтать. Если он захочет – сам расскажет, кто он и откуда.

– Идет… Показывай.

Я выудил из внутреннего кармана комбинезона помятую карту. Аллен внимательно изучила местность и уверенно ткнула пальцем в точку за горой, совсем недалеко от территории моей стаи.

– Вот здесь. Ты ведь оборотень?

– Да.

– Значит, тебе бояться нечего. Вас же не убивает запах роз?

– Как оказалось – нет, – я невольно усмехнулся. В этом мире розы приносили смерть многим, но мы, похоже, были исключением.

– Это все, что я могу. Дальше сам.

– Спасибо, Аллен. Ты даже не представляешь, как помогла.

Аллен исчезла так же стремительно, как и появилась, оставив после себя лишь тихий шорох травы. Я остался стоять один. Маг-отшельник… последняя нитка, за которую я хватаюсь, чтобы не упасть в ту же пропасть, куда угодила ее память.

Может, я зря вырываюсь из кожи? Она ненавидит меня. В ее глазах я – враг, чудовище, захватчик. Да, я перегибал палку, я ломал ее волю, но я никогда не хотел причинить ей ту боль, что ломает кости. А она ломает меня без ножа. Режет по живому, медленно и со вкусом, так, что мое сердце скоро просто откажется качать кровь. Я слежу за ней, пытаюсь закрыть собой от каждой тени, но все тщетно. А что, если она вспомнит меня только с плохой стороны? Тогда я потеряю ее окончательно. Не физически – это я бы пережил. Я потеряю ее душу.

Я дошел до края территории стаи и поднял глаза. Гора нависала над миром, огромная и равнодушная. По сравнению с этим каменным гигантом я казался себе жалкой букашкой, которую легко раздавить одним неосторожным движением.

Я бессильно опустился на траву. Взгляд сам собой зацепился за поле неподалеку от поселения. Там, кажется, еще вчера, она смеялась, сидя на спине Тони. Улыбалась, верила в жизнь и в то, что завтрашний день принесет только свет. А я верил, что она будет моей.

Я полюбил Риту задолго до того, как увидел ее лицо. С первого слова, услышанного о ней. Если бы она погибла от рук Рута или, что еще страшнее, Ксандера – я бы не раздумывая ушел следом. Одна половина сердца не может биться, когда вторая превратилась в пепел. Элементарная биология… или проклятая любовь.

– Удалось что-то выяснить? – спросил я, не оборачиваясь.

Я чувствовал, как Тони подошел со спины. Он двигался осторожно, боясь потревожить тишину, которая звенела у меня в ушах.

– Ничего нового, – глухо ответил он. – Маг. Отшельник. Сокол. Одни и те же слухи по кругу. Никто даже имени его не знает.

– Нам нужно подготовиться… – выдохнул я. Собственный голос показался мне чужим.

Друг сел рядом. Мы знали друг друга с тех времен, когда обычная палка казалась мечом, а разбитые в кровь колени были лишь поводом для гордости, а не для слез.

– Мы найдем способ вытащить ее из этой пелены, Калеб. Я клянусь тебе, – твердо сказал Тони.

Я лишь покачал головой. У меня не осталось сил на клятвы. Пусть она видит меня бойким, дерзким, даже злым – каким угодно. Я просто не хочу, чтобы она знала, как на самом деле я медленно умираю внутри этой тишины.

* * *

– Сконцентрируйся. Смотри на него так, будто это глаз твоего злейшего врага, – в очередной раз наставлял меня Тео.

Я стояла на стрельбище среди детей-соколов, которые уже вовсю и с явным азартом дырявили яблоки и «подстреливали» друг друга. Конечно, стрелы у них были тренировочные, без наконечников, но меткости им было не занимать.

– Я не могу… меня будто что-то толкает под локоть, – выдохнула я, снова поднимая лук.

Яблоко впереди замерло, насмешливо поблескивая красным боком. Мне нужно было всего лишь прицелиться и выпустить стрелу. Я медленно натянула тетиву, чувствуя ее упругое сопротивление. Задержала дыхание. Взгляд сфокусировался, активируя соколиное зрение – мир вокруг стал четче, звуки приглушились. Выстрел!

В самый последний миг рука предательски дрогнула. Стрела со свистом прорезала воздух и с глухим стуком вонзилась в пенек, на котором стоял плод. Яблоко даже не шелохнулось.

– Я никогда не смогу…

– Тео! – внезапно выкрикнул незнакомый голос за нашими спинами.

Мы оба резко обернулись. К нам, заметно припадая на правую ногу, шел парень. Я видела его впервые… или мне так только казалось?

– Ты кто такой? – Тео сделал шаг вперед, инстинктивно закрывая меня собой.

– Меня прислал Калеб. Он говорит, что нашел способ вернуть Рите память.

Я посмотрела незнакомцу прямо в глаза.

Вспышка.

Густой, непроглядный лес. Сбитое, хриплое дыхание. Чьи-то приглушенные стоны, от которых сводит челюсть. Кровь на сухой листве. Кости… Слишком много крови. Вспышка боли, прошившая виски, и дикий, раздирающий горло крик.

Мир вокруг поплыл и перевернулся. Дыхание окончательно сбилось, ноги стали ватными, и я рухнула вниз – то ли на холодную землю, то ли в вовремя подставленные руки брата. Виски пульсировали так, будто в череп вбивали гвозди. Я точно схожу с ума.

– Рита! Открой глаза. Слышишь? Слушай мой голос!

Я через силу разомкнула веки. Я и правда сидела на траве, прижатая к теплой груди Тео.

– Ты в порядке? – взволнованно уточнил брат.

Я не ответила. Весь мой мир сейчас сузился до этого хромого незнакомца.

– Мы… мы ведь встречались раньше? – прохрипела я.

– Да. Ты спасла меня в лесу, когда я угодил в капкан, – парень смотрел на меня с какой-то странной смесью благодарности и жалости.

Значит, моя голова хоть в чем-то не лжет. Но если это правда, то что тогда было на пруду? Что за морок преследовал меня там?

– Мы придем, – Тео коротко кивнул парню, помогая мне подняться.

– Они ждут. Можете позвать с собой Стена, чтобы ей было безопаснее.

Я прикрыла глаза, чувствуя, как внутри все выгорает. «Безопаснее» для меня сейчас означало только одно – лечь и больше никогда не просыпаться, лишь бы не видеть этих кровавых лепестков на белом снегу.

В последний раз я была здесь ровно два месяца назад. С тех пор только этот Калеб вечно ошивался на территории соколов, пытаясь вынюхать – жива я или нет. Они сказали, что нашли лучший способ вернуть мне память. Ага, Саламандры тоже самое говорили мне на протяжении месяца. Я была подопытной крысой, а не человеком, которому нужна помощь.

До поселения оборотней мы добирались пешком. Отец всю дорогу твердил, как сильно хочет вернуть прежнюю меня, а я молча слушала. Два месяца я глотаю эти речи и, не поверишь, папа, я хочу этого не меньше твоего!

У самого входа нас уже ждали двое: Калеб и его приятель, кажется, Тони.

Отец выступил вперед, закрывая меня собой. Тео, который всю дорогу хранил мрачное молчание, подошел вплотную и положил руку мне на плечо.

– Я нашел человека, который может помочь, – без лишних предисловий начал Тони.

Я замерла. Неужели из этого тупика нашелся выход? Или будет так же как и с другими?

– Кто он? – глухо спросил отец.

– Маг-отшельник. Говорят, в прошлом – сокол.

– Как его зовут? – Папа нахмурился, явно пытаясь выудить из памяти знакомое имя.

– Я не знаю, извините, – Тони качнул головой. – Мы с Калебом сами отведем ее к нему.

– Я иду с вами, – отрезал Тео.

– Козел пернатый… – едва слышно выдохнул Тони.

– Пес плешивый, – в тон ему отозвался брат.

– Обожаю тебя, сокол, – хмыкнул Тони, но тут же осекся, поймав на себе тяжелые, обещающие кару взгляды Калеба и моего отца. – Ладно… Проехали.

– Почему вы так уверены, что он поможет? – уточнил папа, не сводя глаз с оборотней.

– На войне все способы хороши, – ответил за друга Калеб. Его взгляд на секунду коснулся моего лица, и я снова почувствовала тот странный холод. – Мы не знаем, что старик сделает, поэтому будем рядом. Но попробовать стоит. Одна девушка рассказывала, что этот маг когда-то излечил ее бабушку от слепоты. Значит, он видит то, что скрыто от других.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.